

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ III.
СВЕТСКИЙ ПОРТРЕТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности литературной личности барона де Базанкура. Эпоха романтизма превратила «литературный быт» в важную составляющую литературного процесса. Представление о жизни автора, его поступках, убеждениях заметно влияло на горизонт читательских ожиданий. А потому автор зачастую подчинял свое поведение некоему литературному канону, избирал поведенческое «амплуа», узаконенное предпочтениями эпохи. В настоящей статье по обрывочным данным удастся восстановить основные черты, которые, в глазах читателей-современников, были присущи образу барона де Базанкура. Рассматривается вопрос о том, насколько поведение Ф. Ж. де Базанкура оказывалось подчинено собственно литературным задачам.

Ключевые слова: литературная личность, литературная репутация, дуэль, роман-фельетон, литературная аристократия, промышленная литература.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье [34] мы выяснили, что к середине 1840-х гг. барон де Базанкур приобрел известность в основном как автор романов и романов-фельетонов в духе неистового романтизма. В его творчестве можно было обнаружить эксперименты в отношении повествовательных моделей, композиционных решений, изобразительных приемов, но в целом художественные принципы оставались теми же, что и в начале его литературной карьеры в середине 1830-х гг. Это постепенно отдаляло его от актуальных литературных поисков, делая произведения востребованными лишь в той читательской среде, которая сохраняла вкус к романтическим условностям и преувеличениям. В последующие годы Ф. Ж. де Базанкур искал новые пути, но, прежде чем говорить об этом, обратимся к иной сфере, которая в некотором смысле также открывала для него творческий простор: речь пойдет о конструировании литературной личности барона де Базанкура.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературная личность и социальное «амплуа»

Напомним, что настоящий цикл статей ставит целью восстановить «по обрывочным сведениям биографию барона де Базанкура» и проследить «логику его творческого развития как литератора, историка и военного корреспондента» [33, с. 50]. Учитывая тематику нынешней статьи, уместно оговорить принципы привлечения некоторых фактов и материалов.

Цель любого исследования, предполагающего целостный анализ творческого наследия того или иного автора, очевидным образом соотносится с понятием «литературная репутация», то есть со сложившимся коллективным представлением о месте автора в литературном процессе [18, с. 3; 46, с. 51; 57, с. 106–107]. По существу, именно литературная репутация автора и служит основанием для того, чтобы превратить его творчество и биографию в объект научного интереса.

Устойчивость литературных репутаций не абсолютна. Посмертная репутация автора нередко меняется, зависит от эстетических и ценностных предпочтений позднейших эпох. Особенно же заметно, как читательское представление об авторе меняется при его жизни. Наиболее привычный алгоритм: от безвестности – к славе (в саморефлексии Г. Р. Державина: «Как из безвестности я тем известен стал...» [16, с. 233]). Но случаются и обратные «превращения», как это было с В. Г. Бенедиктовым, который прошел путь от перевозимого «соперника Пушкина» [49, с. 59–60] до пренебрежительно воспринимаемого родоначальника «бенедиктовщины» [10]. В любом случае исследователя должны интересовать не только вершинные позиции индивидуальных репутаций, но все этапы их формирования, поскольку эти этапы подчинены принципу взаимообусловленности. Так, репутация «певца Фелицы» обеспечила Державину литературное будущее, сделавшее его классиком русской литературы, а кратковременная сверхпопулярность Бенедиктова спровоцировала десятилетиями звучавшие по его адресу упреки в литературном «самозванстве» [49, с. 62].

Если применять сказанное к нашему исследованию, то наивысшим достижением барона де Базанкура следует считать его репутацию официального французского историографа Крымской войны. Именно в этом качестве его прежде всего знают наши современники. Однако, чтобы завоевать такое место в сознании потомков, Базанкуру пришлось пройти целый ряд этапов, характеризовавшихся не только разными по направленности и масштабу творческими достижениями, но и формированием различных контуров авторской репутации.

Общая цель исследования заставляет нас отвечать на ряд вопросов. Что заставляло Базанкура стремиться в военный лагерь у стен осажденного Севастополя? Почему именно ему была доверена миссия военного корреспондента? Что позволило ему справиться с функциями военного хроникера и историографа?

В предыдущих статьях мы выяснили, что Базанкур был романистом исторической тематики. Но это способно ответить на поставленные вопросы лишь отчасти. Поскольку, во-первых, литературная известность Базанкура была не «перворядной». А во-вторых, его исторические интересы были эпизодическими и чисто художественными. Французское правительство, подыскивая кандидатуру на роль военного корреспондента и хроникера, могло отыскать не один десяток литераторов, обладавших подобными качествами. Забегая вперед, скажем, что перед Крымской войной барон де Базанкур испытал себя в роли не только романиста-историка, но и собственно историка и даже добился некоторого успеха. Однако во Франции были историки, обладавшие не меньшим авторитетом и не менее живым пером. И все же правительство обратилось именно к Базанкуру. Стало быть, существовали и другие авторские характеристики, которые остановили на Базанкуре выбор министерства.

Возможно, объяснение следует искать за пределами литературных сфер. И первое, что приходит на ум, это родство Базанкура с графом Луи-Мотье Моле, который долгое время был в центре политической жизни Франции и, конечно, мог во многом поддерживать своего племянника. Но к моменту крымской поездки Базанкура Моле уже отошел от дел. Вне политической жизни к тому времени оказался и другой некогда влиятельный дядюшка Базанкура Проспер де Барант. Так что происхождение Базанкура и его связь с влиятельными фамилиями, безусловно, учитывались, но вряд ли могли стать главными аргументами.

Итак, все перечисленные обстоятельства должны были способствовать крымской миссии Базанкура, но ни одно из них нельзя признать решающим. Логично остановиться на той мысли, что Базанкур оказался на роли военного корреспондента в силу стечения сразу нескольких факторов, и чем большее количество из них нам удастся проследить, тем более обоснованными окажутся ответы на поставленные выше вопросы.

Это заставляет нас взглянуть на «литературную составляющую» в биографии Базанкура под особым углом зрения. Понятно, что литературный опыт позволил Базанкуру освоить изобразительные средства, необходимые для живописания военных событий. Но разговор пойдет о другом: о том, что литературные занятия Базанкура заставляли его конструировать специфическую литературную репутацию, которая, по нашему убеждению, в конце концов способствовала его миссии в Крым.

Ф. Ж. де Базанкур начинал литературную деятельность в ту пору, когда в читательском сознании «образ автора» уже давно не являлся чисто текстовой величиной. Реальная жизнь писателя превратилась, по выражению Б. В. Томашевского, в «ощутимый фон литературного произведения» [55, с. 8] и заметно определяла горизонт читательских ожиданий. В книжной лавке покупали не просто книгу с привлекательным заглавием, а сочинение господина такого-то, написавшего прежде такие и такие произведения, служащего там-то и там-то, что нередко и указывалось на титульном листе издания. Однако читатель руководствовался и той информацией, которая не отражалась на титульном листе, но доходила до него по слухам, газетным хроникам, светским беседам и вообще из самых разных источников. Зачастую это были сведения о бытовой стороне авторской личности, и эти подробности, образуя «контекстовую» читательскую эрудицию» [2, с. 26], во многом формировали «авторский образ», особенности которого программировали интерес и доверие читателя к творчеству писателя. Эту особенность читательского восприятия мы, разумеется, можем заметить и в прежние эпохи, например, в литературе сентиментализма, но именно романтизм сделал соотносительность реальной личности автора с ее текстовым воплощением важнейшей частью литературного процесса, одной из главных особенностей, «под знаком которых совершается литературная эволюция данного момента» [59, с. 434].

Пожалуй, не всякий автор той поры был готов буквально следовать известной формуле К. Н. Батюшкова – «...Живи, как пишешь, и пиши, как живешь» [4, с. 41], – но всякий ощущал, что известные факты писательской биографии, его общественного бытования, событийного ряда влияют на литературную репутацию. Читатель желал видеть художественные сюжеты в контексте реальной жизни, то есть

стремился «слить жизненные и художественные тексты воедино» [21, с. 267], где автор – один из участников событий. Это вело к тому, что и жизнь, и автор «подстраивались» под литературу, автор литературного текста становился в жизни «персонажем», творящим «историю самого себя», или актером, играющим собственноручно написанную роль [48, с. 232]. «Романтическое житнетворчество» [36, с. 41] распространялось на межличностные отношения [3, с. 6], придавало черты «литературности» [20, с. 34] бытовому поведению в целом. Автор в повседневности создавал легенду о себе, «конструировал свой образ» [35, с. 17], который запечатлевался в сознании читателя и который определяется термином «литературная личность» [27, с. 12].

По метафоричному замечанию Ю. М. Лотмана, «писатели начала XIX в. не просто живут, а создают свои биографии» [21, с. 371]. Причем эти «биографии» были подчинены определенным канонам, диктуемым социально-эстетическими трафаретами эпохи. Выписывая свою «жизненную роль», автор вынужден согласовывать ее с «социокультурной ситуацией» [13, с. 85], со сложившейся системой поведенческих типов и жанров [21, с. 258], выбирать для себя определенное «амплуа» [21, с. 258].

Литературный аристократизм и литературный меркантилизм

Одной из важнейших характеристик литературной личности является псевдоним [56, с. 269]. От этого и оттолкнемся.

Как уже было сказано [33, с. 53], Ф. Ж. де Базанкур был потомком аристократических семей и получил соответствующее своей среде воспитание. Первый роман «Летучий эскадрон королевы» (1836) он подписал псевдонимом «Барон де Базанкур», что подчеркивало принадлежность автора к дворянству, оставившему след в старой и новой истории Франции [33, с. 53]. Акцент на аристократизме автора, заданный первым крупным произведением, был, безусловно, принципиальным для писателя соображением, поскольку все последующие романы он подписывал именно так – «Барон де Базанкур». Очевидно, что в литературном быту Базанкур избирал «амплуа» аристократа. И нам стоит разобраться в мотивировке такого выбора.

В 1836 г. А. С. Пушкин писал дядюшке Базанкура – А. Г. П. де Баранту, занимавшему тогда должность французского посланника при российском дворе [51, с. 187], что двадцатью годами прежде в России не помышляли о коммерческом значении литературы, а «видели в ней лишь утонченное и аристократическое занятие», не способное принести иных выгод, кроме как «успех в обществе» [43, с. 199].¹ Во многом, пусть даже с несколько иной хронологией, это могло быть отнесено и к Франции и, несомненно, отражалось на становлении литературных взглядов Базанкура. Он воспитывался на традициях XVIII в. и в той среде, где литература именно и считалась «утонченным и аристократическим занятием»,

¹ La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'était regardée que comme une occupation élégante et aristocratique. <...> Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvrages que des triomphes de société <...> [43, с. 199].

«прерогативой великосветского человека». Причем в близком окружении писателя такой взгляд продолжал существовать даже тогда, когда «промышленная литература» вошла в полную силу, а «писателям-меркантилистам», по выражению Ш. Сент-Бёва, «удалось <...> стать почти безраздельными хозяевами положения» [50, с. 217]. И в этом отношении очень показательна литературная судьба родной сестры Базанкура – Софи, которая была всего годом старше его.

Напомним, что в 1832 г. Софи вышла замуж за офицера Ф. Луаре д'Арбувиля, последовав за ним по местам службы [33, с. 53–54]. По словам А. Г. П. де Баранта, молодая мадам д'Арбувиль находила по-своему привлекательным «пребывание в провинциальных городах или даже в какой-нибудь отдаленной крепости на границе Пиренеев»: «Она наслаждалась видами дикой природы или цветущих и плодородных обетованных мест» и «предавалась поэтическому вдохновению» [63, р. X]. С 1838 г. ее супруг (к тому времени полковник) участвовал в африканских походах [93, р. 241], но пошатнувшееся здоровье не позволило Софи уехать с ним, и, видимо, около этого времени (конец 1830-х) она возвратилась в Париж, открыла светский салон, о котором еще будем говорить более подробно. Пока же отметим, что в числе постоянных посетителей были многие из тех, кто принадлежал к старшему поколению и оставался носителем традиций старой аристократии. А в этих традициях литературные опыты зачастую ограничивались рамками гостиной и близкого круга людей. В 1841 г. Софи д'Арбувиль опубликовала очень малым тиражом небольшую книгу стихов и прозы, адресованную лишь самым близким знакомым и родным. Эта книга изначально была величайшим раритетом, но известно, например, что она имелась в личной библиотеке дядюшки Софи – барона де Баранта [68, р. 72]. По его словам, Софи избегала огласки своих литературных опытов по вполне вызревшему убеждению: «Занять положение писательницы показалось бы ей нарушением семейных привычек, неверностью интимной жизни» [63, р. XI].

Книга называлась «Рукопись моей двоюродной бабушки» [“Le Manuscrit de ma grand'tante”]. По существу, это стихотворный элегический дневник главной героини, обрамленный в рамку новеллы. По сюжету, «дневник» принадлежал молодой женщине, выросшей в бедной семье, но вышедшей замуж за престарелого маркиза. Маркиз расценивал этот союз исключительно как возможность обеспечить будущее своей избраннице, и она в ответ испытывала к старику искреннюю благодарность и привязанность. Жизнь в замке, в достатке и покое, настраивала ее на размышления о религии, смысле бытия, природе человеческих чувств и устремлений. Привыкнув к сосредоточенному внутреннему диалогу, она придавала своим размышлениям стихотворную форму. Финал истории трагичен: молодую маркизу поражает болезнь, медленно сводящая ее в могилу. Предчувствие скорого ухода наполняет ее рассуждения особой проникновенностью и смирением. После смерти маркизы рукопись ее дневника оказывается в руках наследника – молодого графа-парижанина, который чрезвычайно тронут прочитанным и решается текст напечатать.

Во всей этой истории угадываются следы автобиографизма: приблизительно так – в покое и достатке, но и в одиночестве – могла проводить время Софи д'Арбувиль в тех местечках, где служил ее супруг. Прозрачный автобиографизм делал книжку тем более делом семейным. Что касается тематики и религиозного настроения, то и

здесь проглядывают семейные и сословные традиции. Известно, что Софи была воспитана матерью в «очень христианском духе» [104, р. 17], предпочитала поэзию Ламартина [63, р. VI], а от своей тетушки мадам де ла Бриш переняла интерес к мистицизму [105, р. 138]. Софи ориентировалась именно на «домашние» литературные интересы.

Еще одну книжку Софи д'Арбувиль издала в 1843 г., однако не по собственной инициативе. В феврале того года произошло катастрофическое землетрясение в Гваделупе, и в Париже состоялся ряд благотворительных акций в помощь пострадавшим. В Поле-Рояле была развернута благотворительная торговля [25, с. 168]. Королева Амалия изъявила желание напечатать в королевской типографии сочинения Софи д'Арбувиль, чтобы выставить их на продажу в качестве благотворительного лота [96, с. 262]. В книжку вошли три новеллы: «Мария Магдалина», «Счастливая жизнь» и «Безропотность» [61]. Но важно, что имя автора на обложке не печаталось, а в предисловии сообщалось, что эти рассказы изначально не предназначались для печати. Судя по всему, это было принципиальной позицией д'Арбувиль, что подтверждается сообщением о благотворительной ярмарке, опубликованным Сент-Бёвом. Он находился в очень доверительных отношениях с Софи и, безусловно, сообщая о распродаже книги, опирался на ее пожелания. Так вот в «Швейцарском обозрении» он писал, что книга сочинена некой «светской молодой женщиной для себя и нескольких друзей», а опубликована лишь по настоянию королевы [102, р. 28].

Но это еще не все. В мае того же 1843 г. в «Revue des Deux Mondes» появилась развернутая рецензия на это благотворительное издание Софи д'Арбувиль. Статья подписана псевдонимом F. de Lagenevais, за которым скрылся критик Шарль Лабитт [96, с. 262; 104, р. 21, 66]. Заглавие статьи – «Le roman dans le monde» – буквально стоило бы переводить как «Роман в свете», но, кажется, содержанию более соответствовал бы такой вариант: «Светский роман». Это довольно пространное и горячее рассуждение о том, что жанр романа пришел в упадок. Причину критик видит в том, что литературные занятия превратились в ремесленничество, журнальная литература стала диктовать публике свои вкусы, а сочинители преследуют лишь коммерческие интересы. Спасти жанр романа, по мнению критика, может лишь литература, создаваемая светскими людьми, поскольку они руководствуются стремлением получить наслаждение от самого творческого процесса [85, р. 586–592]. И в качестве образца «светского романа» рецензент представлял анонимно изданную книгу Софи д'Арбувиль.

Известный знаток биографии Сент-Бёва Леон Сешэ очень точно отмечал, что в данном случае Лабитт выступил в качестве «alter ego» Сент-Бёва [105, р. 145], который, напомним, был близок с Софи д'Арбувиль и, можно не сомневаться, инспирировал публикацию рецензии в «Revue des Deux Mondes». Главная мысль статьи – о тотальном и пагубном подчинении литературы коммерческим принципам – это мысль, которую Сент-Бёв ярко и подробно выразил на страницах того же «Revue des Deux Mondes» четырьмя годами ранее в статье «De la littérature industrielle» [103] («О промышленной литературе», или как еще принято переводить это заглавие «Меркантилизм в литературе»). Теперь статья Ш. Лабитта подсказывала средство от «промышленного зла» в литературе – творчество аристократического круга.

Вернемся к Ф. Ж. де Базанкуру. Его позиция в отношении литературного труда была иной: он стремился публиковать свои сочинения, активно сотрудничал со многими периодическими изданиями. Правда, свои хроники в «Le Messenger» (возможно, как принадлежащие жанру откровенного журнального ремесленничества) подписывал псевдонимом «Victor Bonin» или литерой «В...» [34, с. 49–51], но все его романы-фельетоны печатались под псевдонимом «Барон де Базанкур». А следует учесть, что роман-фельетон воспринимался критиками как наиболее характерное проявление «промышленного подхода», понижающего планку художественного вкуса [24, с. 170–172; 39, с. 133].

Легко объяснить, почему Базанкур не избегал причастности к сфере «промышленной литературы»: она обеспечивала скорую и широкую известность, помогала налаживать связи, вознаграждалась материально и проч. Но если Базанкур находил применение своим литературным навыкам в, казалось бы, «неаристократической» области беллетристики, почему его литературная «самопрезентация» была подчеркнута ориентирована на аристократизм?

Аристократический салон той эпохи представлял собой смешение «старых» и «новых» поколений, нравов и взглядов, и это очень хорошо демонстрирует салон г-жи д'Арбувиль, где по понятным причинам Базанкур был постоянным посетителем. Салон располагался в доме на Вандомской площади, «в сердце Парижа» [104, р. 46]. Конечно, здесь были живы воспоминания о традициях XVIII в. Однако обычный круг наиболее известных посетителей составляло то поколение, которое было родом из века XVIII, но свой характер формировало уже после Великой французской революции в эпоху Наполеона. Это были политические деятели (конечно же, причастные к науке, публицистике и литературе), которые должны были восприниматься Базанкуром как представители старшего поколения: Виктор Кузен, граф Н.-А. де Сальванди, граф Шарль де Ремюза. Здесь же следует упомянуть дядюшек Базанкура – графа Л.-М. Моле и барона П. де Баранта. Видимо, отдельную группу составляли военные – друзья генерала д'Арбувиля, среди которых был, например, генерал Н. Шангарнье [84, р. 160]. Они тоже были старше Базанкура. Приблизительно одного поколения с ним были литераторы: наиболее близкий друг хозяйки Ш. О. Сент-Бёв, П. Мериме, К. Мармье и еще целый «хор литераторов, любивших этот салон, потому что их там любили» [84, р. 160].

В светских салонах превалировали литературные интересы [25, с. 181–187], и салоны были важным звеном литературной жизни. Мысли, запечатлевавшиеся в журнальных спорах, поначалу «обкатывались», а после получали продолжение в светских беседах. Салоны, наряду с критикой, формировали литературные репутации и могли обеспечить социальное продвижение автора [54, с. 74]. В этом отношении салон г-жи д'Арбувиль был весьма влиятелен. Виконтесса Алекс де Жанзе утверждала, что хозяйка салона, скажем, оказывала протекцию А. де Мюссе:

«Все это окружение давало мадам д'Арбувиль большое влияние в литературном мире. Когда после смерти Дюпати во Французской академии образовалась вакансия, она принялась хлопотать о кандидатуре автора “Ночей” и покровительствовала ему с таким усердием, что люди в шутку говорили: “Мадам д'Арбувиль, которая посещает Альфреда де Мюссе”».

Другая женщина, столь же отличавшаяся своими талантами и остроумием, мадам Ансело, объединила свои усилия с усилиями мадам д'Арбувиль и способствовала победе Мюссе» [84, р. 160].

Салон интересовался литературой во всех ее проявлениях, и формат творчества «для узкого круга» сосуществовал с писательством «для широкой публики». Впрочем, возникает вопрос по поводу этой широкой публики. Например, на какую часть этой публики ориентируется автор: на более или менее искушенного читателя или на всякого, кто способен приобрести газету? Чему подчиняет автор свое творчество: неким высоким художественным принципам или вкусам «толпы»?

Базанкур вступал на поприще беллетристики в эпоху быстрой демократизации литературы. Этот процесс сопровождался «наведением мостов» между литераторами-аристократами и литераторами-представителями среднего сословия, между салонной и журнальной литературой. При этом нюансы эстетики закономерно переплетались с мировоззренческими принципами и проблемами материальной прибыли.

При всей несхожести и литературной, и социальной ситуации во Франции и России русская литература той поры ярко демонстрирует, насколько острым может быть этот процесс. Имеем в виду известную полемику по поводу «литературной аристократии», разразившуюся в 1830 г. между авторами пушкинского круга и «литературными промышленниками» – Ф. В. Булгариным, Н. И. Гречем, Н. А. Полевым. Литературная составляющая конфликта сводилась к разности взглядов на подчинение эстетики коммерческим интересам, а стало быть, запросам широкой публики. Однако само «насмешливое прозвище» [11, с. 56] «литературные аристократы», которое пустили в ход противники Пушкина и его единомышленников, демонстрировало, что за литературным спором скрывался целый комплекс противоречий сословного и политического порядка [41, с. 315], которые образовывали пропасть между «третьесословной журналистикой» [19, с. 22] и литераторами-дворянами. Даже на уровне полемических приемов и стилистики ощущалась принципиальная разница. Если соратник Пушкина П. А. Вяземский в статье «О духе партий» пытался перевести дискуссию «в плоскость чисто литературной полемики» [19, с. 23], удерживая стиль в рамках аристократического достоинства, то выпады Ф. В. Булгарина «акцентировали социальный аспект» [19, с. 22], а временами имели вид доноса [37, с. 246; 9, с. 406] и клеветы [12, с. 237, 240, 251].

В эстетическом плане литературная позиция «аристократов» характеризовалась тем, что они «сохраняли свою “старомодную” приверженность к изяществу, легкости, уравновешенной непринужденности изложения, унаследованным от французской салонной культуры XVIII века, с ее “легкой поэзией” и блестящей, ироничной прозой и публицистикой» [11, с. 59], но за этим следовали и неприятие «торгового» отношения к творчеству, и антибуржуазная позиция [8, с. 186], и симпатия к «старой», нечиновной аристократии [8, с. 186; 39, с. 315], и сопряжение норм литературного поведения со светским обычаем. Всё это плохо согласовывалось с запросами растущего «литературного рынка», и ситуация становилась драматично трудной. Так, В. Э. Вацуро констатировал, что Пушкин, «будучи сам

профессионалом-литератором», «понимая неизбежность и закономерность превращения литературы в “отрасль промышленности”», в то же время «решительно не приемлет “торговой” словесности, опускающейся до уровня литературы массового потребления» [8, с. 186]. Собственно, издание «Современника» было попыткой Пушкина нащупать литературную нишу, где коммерческая заинтересованность не противоречит принципу творческой свободы. Однако журнал оказался убыточным. После смерти поэта его литературные соратники продолжили в «Современнике» борьбу с «торговым направлением» и имели в этом союзников [42, с. 188], но найти «золотую середину» между рыночной реальностью и принципами чистого творчества так и не смогли. Журнал терпел убытки. Издательской неудаче было много причин, но одно ясно: в новом литературном мире для выживания было необходимо адаптировать свои взгляды к условиям изменившейся социально-экономической ситуации, жертвовать если не художественными, то, по крайней мере, сословными принципами.

Во Франции ситуация была несколько иной. Революция 1830 г. хоть и не сняла окончательно сословных противоречий, но заставила общество активно осваивать тактику «классового компромисса». Поэтому в литературной полемике сословная тема либо вовсе не звучала [28], либо затрагивалась вскользь – как в упомянутой статье Ш. Лабитта по поводу новелл Софи д’Арбувилль. В обществе существовал процесс, который можно было бы назвать «встречным движением сословий».

С одной стороны, для среднего сословия дворянский статус и аристократический образ жизни имели высочайшую степень привлекательности. Бальзак, конечно, создавал картины (и был в этом объективен) «умирающей аристократии в Париже или в отдаленных провинциальных городах» [22, с. VII], но крайне дорожил частицей «де» в своей фамилии и в быту демонстрировал привычки вельможи. Ф. Гизо – по существу, идеолог и политический глава среднего сословия – купил в Нормандии аббатство с земельными угодьями и стал обустривать там родовое имение в совершенно дворянском духе [53, с. 146–147].

С другой стороны, аристократия прекрасно сознавала, что среднее сословие прочно завладело ведущими позициями в экономической и политической жизни. Новая социальная реальность уравнила старую аристократию и дворянство империи, всемогущих банкиров и успешных промышленников [52, с. 102]. В таких условиях сословная самоизоляция лишила бы аристократию всяких перспектив. Если говорить о Базанкуре, то по мироощущению он, видимо, был ближе всего к политической группе доктринеров (или умеренных либералов) [53, с. 30–32], которые воспринимали средний класс в качестве политической силы, способной обеспечить прочность представительного правления [26, с. 185]. Во всяком случае, к кружку доктринеров принадлежал дядюшка Базанкура П. де Барант, а в салоне сестры Базанкура доктринеры были настолько частыми гостями, что и она сама воспринималась как «женщина из круга доктринеров» [38, с. 446].

Судя по всему, Базанкур гордился своим аристократическим происхождением, но не готов был платить дань сословным предрассудкам, а стремился использовать преимущества врожденного аристократизма в условиях «индустриализации» литературы. И выгода от этого была двойной.

В дворянском кругу барон де Базанкур должен был видеться как свой «представитель» в пестром литературном мире, сохраняющий и пропагандирующий аристократические вкусы и ценности. И эта роль ему удавалась. Уже первый роман «Летучий эскадрон королевы» был экскурсом в мир старой Франции, где представители высшего дворянства – свободолюбивые и наделенные мощными характерами – представлены главными действующими лицами. В большинстве следующих произведений действие также разворачивается в дворянской среде. Неудивительно, что многие словари и справочники (а они формулируют основные черты авторской репутации), представляли барона де Базанкура как романиста, «изображающего аристократические нравы» [75, р. 439; 86, р. 417; 112, р. 138]. Многие его произведения лишь по способу публикации могут быть отнесены к роману-фельетону, по всем же иным признакам они гораздо более соотносятся с жанром светской повести. Повествовательный стиль Базанкура напоминал продолжение непринужденной, изящной и остроумной светской беседы (и в этом он близок «литературным аристократам» России) и должен был позитивно восприниматься салонным окружением автора. Во всяком случае, один из отзывов на роман Базанкура «Последнее воспоминание» (1839) гласил, что «книга г-на де Базанкура имеет истинный успех в салонах» [77, р. 2].

Учтем и то, что самого факта публикации Базанкуром романов-фельетонов было недостаточно, чтобы поставить под сомнение аристократизм автора. Сегодня мы привыкли воспринимать роман-фельетон как некий корень, из которого выросла массовая литература. Это, безусловно, верно, но в саму эпоху «фельетонной лихорадки» [24, с. 170], роман-фельетон не воспринимался однозначно как «что-то для толпы». Достаточно вспомнить, что утверждению моды на роман-фельетон во многом способствовала газетная публикация «Старой девы» О. де Бальзака. И следует согласиться с очень точным замечанием Н. Т. Пахсарьян: «Контрастная картина последовательного противостояния “элитарной” и “промышленной” романистики не соответствует действительности, поскольку, по крайней мере в 1830–1840-е годы, во Франции романтическая писательская “элита” и сочинители “второго ряда” часто ощущали себя и оценивались публикой – а порой и критиками – как единое сообщество» [39, с. 128]. «Промышленная литература» вызывала раздражение не финансовой заинтересованностью автора, а его готовностью угождать низкопробным вкусам. Но как помним, барон де Базанкур был последователен в своих художественных предпочтениях и должен был восприниматься элитарным читателем как аристократ и по рождению, и по литературному стилю, что достойно характеризовало его в аристократическом кругу.

Но была и другая сторона вопроса. Хоть элитарный читатель и не отказывался от романа-фельетона, ему все же приходилось «делить» этот жанр с «простым человеком» [58, с. 188], который «голосовал франком» за полюбившихся авторов. Но и здесь аристократический образ барона де Базанкура был выигрышным, поскольку оказывался притягательным в глазах не только элитарного, но и широкого читательского круга, которому «жизнь аристократа» была любопытна.

«Под сению кулис...»

В феврале 1855 г. главный редактор «Фигаро» Ипполит де Вильмессан и один из сотрудников редакции (зять Вильмессана) Бенуа Жувен разместили в газете свои воспоминания о парижском Варьете. Текст получился довольно эпатажным, поскольку откровенно представлял мир театрального закулисья с его интригами и секретами. Причем имена причастных к этим интригам и секретам указывались без всякого стеснения. Упомянут здесь и барон де Базанкур – в связи с рассказом о судьбе актрисы Алисы Ози. По словам мемуаристов, Ози дебютировала в Варьете в 1840 г. и добилась успеха. Именно в то время ей был представлен барон де Базанкур, который сумел «вложить в свои речи всю увлекательность, которую мы обнаруживаем в его романах» [117, р. 3]. Это покорило Ози, и она рассталась ради Базанкура с возлюбленным – актером Бриндо. «Однако, – гласило повествование в “Фигаро”, – к концу года у Базанкура закончились самые интересные истории, и Ози, заскучав, выбросила свою любовь в окошко» [117, р. 3]. После этого она «стала исповедовать культ Польши» и завела себе нового возлюбленного – польского аристократа Велопольского. Но поскольку Базанкур не готов был отказаться от возлюбленной, то соперники попросту условились делить время актрисы поровну: по двенадцать часов каждому [117, р. 3].

Пикантность не только в описанной ситуации, но и в том, что основные ее участники: и Базанкур, и Ози были живы и продолжали активную деятельность. Базанкур в момент этой публикации находился в военном лагере под Севастополем. При этом авторы публикации рекомендовали Базанкура как «своего друга» [117, р. 3]. Как может увязываться «дружба» с публикацией компрометирующих материалов о связи Базанкура с куртизанкой?

Во-первых, сразу скажем, что история о романе между Базанкуром и Ози хотя бы отчасти основана на реальности. Известно, что Луиза Ози (урожденная Жюли Жюстин Пилуа) родилась 6 августа 1820 г. [89, р. 15], в 19 лет дебютировала в театре Шантерен, а уже с начала 1840 г. действительно выступала в театре Варьете [89, р. 18]. Известно, что Базанкур в 1838 г. в «Фигаро» (газета тогда была под другой редакцией) помещал театральные хроники, причем на первой полосе указывалось, что он писал именно о жизни Варьете [78, р. 1]. Более того, в 1920 г. драматург Эжен Эро обнаружил личную переписку между Базанкуром и Ози [80, р. 189]. Эта переписка, кажется, так и не была опубликована [109, р. 213], но сам факт ее существования уже о многом говорит. Как раз в 1840 г. Базанкур тесно сотрудничал Вильмессаном, постоянно публикуясь в его журнале «Сильфида», так что Вильмессан вполне мог знать о сердечном увлечении барона. Но зачем он вынес эту информацию на всеобщее обозрение в 1855 г.?

Вильмессан купил газету «Фигаро» в 1854 г. До этого она была заметным, но не самым успешным изданием. Пытаясь вдохнуть в газету новую жизнь (что ему и удалось), Вильмессан заполнил полосы светскими анекдотами, рассказами о скандалах, эпизодами из богемной жизни. Все это позволяло читателю, не вхожему в мир аристократии и богемы, постоянно туда заглядывать. Неслучайно братья Гонкур в романе «Шарль Демайи» вывели Вильмессана в образе Монбайра – редактора газеты «Скандал» [14, с. 301].

Именно в контексте эпатажной редакционной политики и следует воспринимать публикацию об актрисе Ози. Следует также учесть, что материал об актрисе Ози не завершался Базанкуром. Далее столь же откровенно рассказывалось о ее связи с герцогом Омальским, с отцом и сыном Гюго и т. д. и т. п. Так что Базанкур на общем фоне не выглядел наиболее скомпрометированным.

Что характерно, история с этой публикацией не испортила отношения между Базанкуром и Вильмессаном. Когда через десять лет барон скоропостижно уйдет из жизни, Вильмессан опубликует очень проникновенный некролог, в котором будут такие строки:

«У нас тысячи знакомых, но – всего несколько друзей; тех людей, о ком мы думаем прежде всего и поддержку кого встречаем в дни бедствий. Базанкур был для меня одним из них. Всякий раз, когда в моей полной превратностей карьере мне требовалась помощь благовоспитанного и добросердечного человека, я обращался к нему.

Наконец, он был более, чем другом, мы вполне считали его членом семьи, поскольку он был крестным отцом одной из моих дочерей – мадам Жувен» [115, р. 3].

Кажется, Вильмессан вовсе не считал публикацию о Базанкуре вредной для репутации друга. Во всяком случае, в 1880-х гг. он перепечатает ее в составе своих воспоминаний [116, р. 138].

Но почему сам Базанкур, по-видимому, вполне равнодушно отнесся к скандальной публикации?

Во-первых, надо полагать, именно из-за самой скандальности материала: чем более эпатажен материал, тем проще откреститься от того, что в нем содержится. Во-вторых, как это ни странно, но подобная история действительно не могла испортить репутацию.

Ю. И. Лотман замечал, что авторам эпохи классицизма было трудно реализовать литературные представления в реальной жизни, поскольку эти представления стремились к абсолютному идеалу. Романтическое же поведение оказалось гораздо доступнее для его переноса в повседневный быт, «поскольку включает в себя не только литературные добродетели, но и литературные пороки» [20, с. 40]. Более того, некоторые «пороки» даже придают образу обаяние и входят в моду – как байронический эгоизм.

Увлечение Базанкура юной и успешной актрисой по любым меркам не было «пороком», который превышал бы лимит дозволенного «романтическому герою». Это, скорее, было пикантной чертой, которая оживляла образ «литератора барона де Базанкура». Было известно, что барон большой любитель и знаток театра. Помимо того, что он писал театральные хроники, он был завсегдатаем закулисья. В анонимных мемуарах об оперной жизни Парижа той поры находим такой эпизод о классе танца в Опере на улице Пелетье:

«Я прекрасно понимаю, что в целом эта старая Опера не была столь же просторной и удобной, столь же великолепной, что и новая. Танцевальный зал не блистал ни роскошью, ни уютом: это была большая комната <...>, довольно плохо освещенная, меблированная потертой

скамьей красного бархата, отделанная резьбой по дереву в моде прошлого века и украшенная помутневшими зеркалами в облупленных и потускневших золотых рамах. <...>

Да, но эту скамью занимал, в этих зеркалах отражался целый мир собеседников и посетителей, замену которым трудно найти среди завсегдаев нынешней эпохи: Бальзак, Жанен, Готье, Мери, Роже де Бовуар, Роль, Альтарош, Рокплан, барон де Базанкур <...>» [111, р. 270].

Читатель «Фигаро» желал заглянуть в этот мир, желал хоть издали коснуться его скрытой стороны, желал убедиться, что за блеском сцены и аристократической логи скрываются интригующие секреты. Вильмессан давал читателю такую возможность и делал барона де Базанкура одним из персонажей этой блестящей и тайной жизни, пускай даже делал это несколько скандально.

Впрочем, такого рода эпизоды для публичной биографии Базанкура – исключение. Читателю-современнику он был более известен в иной ипостаси.

«...Но к шпаге чувствую талант»

Природа притягательности аристократизма для среднего сословия и широкой публики была глубже, нежели банальное пристрастие к блеску светского быта. Л. И. Вольперт замечала, что дочь банкира мадам де Сталь испытывала чувство преклонения перед старинной аристократией: «<...> де Сталь живо ощущает и то свободолюбивое начало, которое связано со стремлением дворянства к независимости, и историческую роль древних прославленных родов. В ее глазах, они как бы представляют живую историю Франции, они носители культуры, лучших традиций рыцарских времен, “благородного кодекса чести”» [9, с. 407]. В связи с «благородным кодексом чести» уместно вспомнить и слова Н. А. Бердяева: «Чувство чести <...> в современном буржуазном мире идет от преданий рыцарства» [5, с. 146]. Общество и литература возводили в степень идеала «культивированные аристократией формы социального поведения как “рыцарство”, благородство, личная верность, культ служения, фаталистичность» [15, с. 124], но если в литературе этот идеал воплотить было легко, то в реальности его явно не хватало. У Б. Г. Реизова есть интересные наблюдения относительно читательского запроса 1820-х гг.: французам чрезвычайно нравились описание прошлых нравов – дуэлей, мастерского владения оружием, «ребяческой кичливости и химерической рыцарской чести» [44, с. 162], «физической отваги» [45, с. 378], – поскольку в современности им всего этого недоставало [45, с. 378–379]. Добавим: то же самое французы искали и в литературе следующих десятилетий, и подтверждение тому – успех романов А. Дюма. Но нас сейчас более интересует недостаток всех этих атрибутов рыцарской эпохи не в литературе, а в реальной французской жизни XIX в. Базанкур, несомненно, чувствовал этот пробел и, кажется, отчасти восполнял его, формируя литературную личность «барона де Базанкура» в «свете романтических идеалов» [35, с. 41], которые предполагали неординарность авторского образа [17, с. 8].

Как помним, в возрасте двенадцати лет Базанкур «начал фехтовать, к чему почувствовал неодолимую склонность» [100]. В дворянской среде обучение фехтованию воспринималось как важная часть воспитания – и не только во Франции.

Например, уроки фехтования входили в программу Царскосельского лицея, причем Пушкин демонстрировал в этой дисциплине успехи [47]. Его учителем был француз А. Вальвиль, который обнаруживал в выпадах будущего поэта «воображение» [30, с. 92], что следует расценивать, как одобрительную оценку со стороны признанного мастера. Вальвиль стал преподавателем лицея, пройдя серьезный отбор, а в 1817 г. он выпустил в русско-французском исполнении учебник по фехтованию [7]. Как известно, Лермонтов обучался фехтованию в Благородном пансионе [6, с. 102], а позднее был одним из лучших фехтовальщиков в юнкерской школе [1, с. 605]. Однако далеко не всякий аристократ готов был превратить фехтование чуть ли не в основное свое занятие.

В спортивном мире Базанкура сегодня помнят прежде всего в качестве не литератора или историка, а именно – фехтовальщика. Показательно, что единственный известный нам биографический очерк о Базанкуре был опубликован в 1874 г. в первой французской спортивной газете «Le Sport» (основана в 1854 г.). Обратимся к этой публикации, но сначала сделаем важные оговорки.

Очерк о бароне де Базанкуре принадлежит Альберу де Сент-Альбену, личность которого заслуживает нескольких слов. «Де Сент-Альбен» – псевдоним, доставшийся Альберу от отца – Наполеона-Дезире Нейруда-Лагайера (Napoléon-Désiré Neyroud-Lagayère) [81, p. 291], который редактировал ту самую газету «Le Sport». Альбер де Сент-Альбен под другим псевдонимом – Робер Мильтон [81, p. 291; 113, p. 45.] – вел спортивную хронику в «Фигаро», а кроме того, был известным фехтовальщиком и имел широкие знакомства в спортивной среде [113, p. 45–46]. В 1875 г. он издаст книгу «Фехтовальные залы Парижа» [101], в которой расскажет об основных фехтовальных школах, известных фехтмейстерах и фехтовальщиках. Видимо, в рамках подготовки этой книги и был написан очерк о Базанкуре; во всяком случае, в газете «Le Sport» он вышел под рубрикой «Фехтовальные залы Парижа» (1874). Но вот в чем странность: в книгу очерк не вошел. Почему?

Альбер де Сент-Альбен родился в 1843 г., то есть был на 32 года младше Базанкура. Очерк был написан в 1874 г. – через 9 лет после смерти Базанкура. Справедливо предположить, что автор очерка, хотя и мог встречаться с Базанкуром, вряд ли был с ним в тесном знакомстве и получал от него какие-либо сведения личного характера. Скорее всего, информацию он собирал по отзывам людей, некогда занимавшихся фехтованием вместе с Базанкуром или общавшихся с ним в свете. Именно такая опосредованность источников и привела к тому, что в очерке, скажем, неверно указан год смерти барона: 1869-й вместо 1865-го. Видимо, сознавая недостаток фактографичности, Альбер де Сент-Альбен и решил не включать очерк о Базанкуре в книгу «Фехтовальные залы Парижа», хотя отдельные и неизменно уважительные упоминания о бароне на ее страницах весьма часты.

Итак, в очерке де Сент-Альбена представлена не биография Базанкура, а его «репутация», то есть как раз то, что нас в данный момент наиболее интересует. Но начнем с информации, которая может претендовать на фактическую точность, поскольку подтверждается другими источниками.

По словам де Сент-Альбена, первым и единственным учителем фехтования барона де Базанкура был Шарль Понс. Фигура примечательная. Понс некогда

преподавал владение клинком в 5-ом королевском пехотном полку. Через много лет он стал учителем фехтования для королевского сына – герцога Омальского. Но наибольшую известность Понс снискал благодаря фехтовальной школе, которую открыл в Париже и называл Академией фехтования [101, р. 11–12]. «Академия» располагалась на улице Сент-Оноре в бывшем отеле герцога Монморанси, где занимала несколько обширных помещений. Школа Понса слыла одной из самых уважаемых, поскольку фехтмейстер сумел собрать здесь «лучшие имена Франции», так что «оказаться причастным к этому сообществу, где царил абсолютное братство, было истинным проявлением хорошего тона» [101, р. 15]. Так вот среди всех именитых участников школы (а это более сотни человек) Базанкур считался «лучшим бойцом, который когда-либо посещал этот зал» [101, р. 15], и это подтверждается особым статусом барона.

Помещения школы были обставлены подобно музею, «посвященному фехтованию и его адептам» [106, р. 248]. В вестибюле стены были увешаны холодным оружием и прочими батальными предметами, среди которых, например, были останки дикарского вождя, привезенные из Сенегала, и шлем русского солдата, убитого под Севастополем. Среди этих реликвий были и групповые портреты фехтовальщиков, но был лишь один персональный портрет – портрет Базанкура [101, р. 13]. Непосредственно в фехтовальном зале также висели два портрета маслом: Базанкура и графа де Мак-Карти [101, р. 14]. Есть упоминание, что рядом с портретом Базанкура располагались портреты еще двоих известных фехтовальщиков – маркиза де л'Англь-Бомануара (по прозвищу Грозный маркиз [101, р. 123]) [99, р. 105] и герцога Ровиго – все изображенные были похожи «на богов-покровителей этого храма» [106, р. 248].

Де Сент-Альбен утверждает, что Базанкур имел склонность и к искусствам, и фехтованию, однако «всегда отдавал предпочтение последнему» [100]. Среди преимуществ барона была и физическая сила, и то, что он был левшой [106, р. 250], но важное значение имела и искренность его увлечения клинком. Где бы ни оказывался барон, он находил возможность развивать боевые навыки. Так, в Италии де Базанкур совершенствовался у мастеров местной фехтовальной традиции. Он вступал в поединки с представителями других школ (скажем, в зале лорда Сеймура [116, р. 220]), состязался со всеми известными фехтовальщиками [100], и вполне закономерно, что в какой-то период стал президентом Общества фехтовальщиков [82, р. 2].

Нет сомнений, что достижения во владении клинком барона де Базанкура были действительно впечатляющими, поскольку они констатировались почти при всяком упоминании о Базанкуре в прессе и других источниках. То есть мастерство фехтовальщика – важнейшая часть его репутации. Но очерк де Сент-Альбена любопытен еще и тем, что представляет обобщенный, легендарный образ барона во всей полноте красок и деталей. И тут позволим себе обширную цитату:

«Наследник прекрасного состояния, он любил сорить деньгами; всегда щедрый, но еще более богатый надеждами, которые подавал, нежели своим кошельком, похожим на бочку Данаид, он воплощал тип аристократов великого века, которые, царствуя над миром по праву

рождения, считали деньги простым аксессуаром, чем-то вроде самого смиренного слуги их мотовства. Он любил светскую жизнь, в которой играл роль, срывающую аплодисменты, любил нравиться женщинам, был прекрасным кавалером, обладал чрезвычайно утонченными манерами, был сведущ во всех тонкостях галантности и, главное, был очень расточителен.

Он обладал необычайной силой, чрезмерно, быть может, энергичным темпераментом, и удовлетворял требованиям этих свойств натуры только благодаря аппетиту Гаргантюа <...>.

Принадлежа к высшему свету, он умел сочетать его манеры со вкусом к легкой и артистичной жизни, куда природные дарования и таланты открывали ему широкую дорогу. Он представлял то даровитым художником, то дилетантом, то историком, то романистом. Он никогда не испытывал недостатка в элегантности и врожденном благородстве, которые ставили его столь высоко, что делали простительным небольшое распутство, не лишенное, впрочем, изящества. Исключительный в своих дружеских чувствах, он проявлял гордыню и ледяную вежливость в отношении людей, к которым был равнодушен. Он обладал ровным характером и верностью в отношениях, благодаря чему в память о нем остались самые теплые чувства» [100].

Повторим: этот портрет – обобщенный по светским легендам образ, который говорит нам, что барон де Базанкур воспринимался в образе не просто аристократа, а аристократа в высшем проявлении, аристократа из достославных рыцарских времен, в качестве человека, похожего на благородного Атоса, в котором «аристократа можно было признать за целое лье» [76, р. 64]. И важнейшим атрибутом такого архаичного аристократизма было не только владение оружием, но следование рыцарскому кодексу чести. О рыцарских принципах барона складывались легенды, которые до нас дошли в виде небольших опубликованных историй, то есть в терминологии той поры [40, с. 181] – анекдотов, служащих важным атрибутом светской и литературной репутации [23, с. 11].

Один из них приводится в том же очерке де Сент-Альбена:

«Однажды вечером в салоне Базанкур встречает противника, с которым дрался на дуэли, которого ранил и от которого он сам получил удар клинком. Последний подходит к нему и спрашивает о нанесенной им ране.

– А как ваша? – отвечает Базанкур,

– Выздоровливает, – говорит тот.

– В таком случае ничто не мешает нам начать заново.

Они вернулись в поле. Атаковав, де Базанкур обезоружил своего противника и, резко остановившись на половине дела, салютовал ему шпагой и удалился. Это благородное поведение положило конец поединку» [100].

Еще один случай – из газеты «Фигаро» за 1865 г. Происшествие приписывается к эпохе 1849 или 1850 г. На собрании Общества литераторов кто-то начал возмущаться, что многие светские люди из числа членов Общества сохранили титулы и частицы, указывающие на дворянство, хотя декретом 1848 г. они упразднены. Заявление имело резонанс:

«Из-за этого политического обвинения, озвученного в сообществе исключительно литературном, в зале поднялась большая суматоха.

Реплики сыпались со всех сторон. И голос оратора перестал быть слышен.

– Дайте же ему продолжить, – воскликнул г-н де Базанкур, – Он меня так забавляет.

После этих слов суматоха лишь усилилась. А один из друзей и собратьев оратора прокричал:

– С точки зрения хорошего тона, говоривший сейчас аристократ – неотесанный крестьянин!

Эта фраза повергла всех в оцепенение. Все ждали дуэли. На перебившего уже смотрели как на мертвеца.

Однако г-н де Базанкур сохранял добродушную улыбку.

– Полагаю, – произнес он, – что я был бы не достоин называться литератором, если бы рассердился на простую антиитезу» [98, р. 6].

Впрочем, другой рассказ – из газеты «Le Monde illustré» – свидетельствует, что Базанкур воспринимался как человек, чрезвычайно щепетильный в вопросах чести и не прощавший трусости:

«Однажды к нему подошел некий щеголь, которого он встречал раз или два в свете, и стал упрашивать его выступить секундантом. Речь шла о серьезном деле, поскольку фат получил пощечину от одного из своих друзей.

– В таком случае, – сказал барон, – я принимаю предложение. Правда на вашей стороне. Предпочитаете шпагу?

– Я в этом не очень силен.

– Тогда пистолет?

– Я плохо представляю, как с ним управляться.

– Тем не менее, вам придется.

– Да я и не говорю... – Забормотал юноша, очевидно, переполняемый задними мыслями. – Если только... Полагаете, это дело можно уладить? Мы учились вместе... Он имеет сноровку... У нас с Х... столько точек соприкосновения...

– Это правда, – произнес г-н де Базанкур. – Первая из них – ваша щека! И он отвернулся от бедняги» [94].

Офицер национальной гвардии

Рыцарский ореол, которым был окружен образ барона де Базанкура, видимо, даже на уровне ассоциаций связывал писателя с читательскими представлениями о воинской службе и воинском долге. Когда в 1865 г. Базанкур ушел из жизни, две газеты – «Correspondance Parisienne» и «Journal de la Corse» – напечатали некролог, в котором рекомендовали барона, как «бывшего кавалерийского офицера» [90; 91]. Никакими известными источниками эта информация не подтверждается. Видимо, автор некролога смешал сведения, известные ему понаслышке: воинственная репутация Базанкура, его присутствие у стен осажденного Севастополя, его книги по военной истории, и... кажется, еще один факт.

6 апреля 1846 г. указом короля барон де Базанкур был назначен капитаном национальной гвардии [95]. Не следует отождествлять службу в национальной гвардии со службой в регулярной армии. Национальная гвардия представляла собой род ополчения и использовалась в основном для охраны отдельных объектов и поддержания общественного порядка. Теоретически проходить службу в национальной гвардии были обязаны все мужчины в возрасте от 20 до 60 лет; аристократы служили в основном в кавалерии [29, 138–139]. Служба проходила по месту жительства, а напряженность службы в разные эпохи была разной: от одного дежурства в пять дней до двух дежурств в месяц [29, 139–140]. Хотя в эпоху Базанкура график службы не был напряженным, далеко не все соглашались тратить время на исполнение этого общественного долга, который, похоже, воспринимался, скорее, данью традиции, нежели насущной необходимостью.

Известно, например, что Теофиль Готье за злостное уклонение от дежурств в национальной гвардии (он считал их нелепым издевательством) не раз оказывался под арестом [69, р. 278]. В 1836 г. за неявку на обязательное дежурство в рядах национальной гвардии был подвергнут аресту О. де Бальзак [92, р. 363].

Ирония в том, что арестный дом, куда вплоть до 1837 г. [69, р. 281] отправляли «уклонистов», располагался в особняке Базанкур на улице Рва Святого Бернарда [29, с. 140]. Неизвестно, связано ли название особняка с дворянским родом Базанкуров, но кажется, единственной возможностью для барона эту связь установить и тем самым дать повод для каламбуров было бы уклонение от обязательных дежурств. Пребывание в особняке Базанкур было далеким от комфорта. Во всяком случае, с намеком на «специфическую пищу, которую там получали заключенные», его прозвали «Бобовым отелем» [97, р. 599].

Но дело, конечно, не в этом. Уклонение от службы в национальной гвардии вполне вязалось с писательской репутацией Бальзака, но плохо согласовывалось с образом барона де Базанкура. Это было бы не в его стиле. Назначение в капитанский чин не могло быть случайным и неожиданным для Базанкура. Думается, это было средством приобретения некоего дополнительного общественного статуса по принципу: если уж нельзя уклониться от неприятной обязанности, то, по крайней мере, следует извлечь из этой ситуации хоть какую-то пользу. Так или иначе, но служба Базанкура в национальной гвардии слабо запечатлелась в его биографии, чего не скажешь о другой жизненной сфере, где его знания фехтовальные навыки и познания оказались более востребованными.

«Хоть бог и запретил дуэли...»

В интересующую нас эпоху отношение к дуэлям во Франции было довольно мягким. Укоренившись в моральном кодексе, дуэль столетиями преодолевала любые запреты [32], а в начале XIX в. фактически оказалась легализованной. Поскольку кодекс 1810 года обошел дуэли вниманием, то они, по существу, перестали считаться преступлением. С 1819 по 1837 г. судебная практика склонялась к тому, что дуэль не является наказуемой [31, р. 9].

Историк дуэлей Эмиль Лорен отмечал, что после 1830 г. «разгоряченные революцией политические страсти» переросли в «почти ежедневные дуэли» [87, р. 127]. Причем зачастую к поединкам приводили ожесточенные перепалки журналистов [87, р. 128–130]. Э. Лорен в хронологическом порядке собрал рассказы о самых шумевших дуэлях с 1830 по 1860 гг., и получился внушительный список почти ежемесячных вооруженных схваток между людьми довольно известными [87, р. 127–208]. Достаточно упомянуть дуэль между Э. де Жирарденом и А. Каррелем (1836), в результате которой последний был убит.

После революции 1830 г. дуэль демократизировалась так же, как другие сферы жизни. Теперь путем поединка вопросы решали не только аристократы, но и буржуа. Дуэли происходили среди мировых судей и государственных служащих. В течение 1834 г. провинциальные газеты сообщили о трех дуэлях с участием членов местной администрации и судейского корпуса [79, р. 62]. И все же наиболее часто дуэли происходили между политиками и литераторами [79, р. 64]. С 1837 г. в судебной практике возобладала точка зрения, которая требовала рассматривать убийство на дуэли как всякое другое умышленное убийство [31, р. 9], однако приговоры зачастую выглядели довольно мягкими.

В 1839 г. разгорелся очередной дуэльный скандал, и к нему был причастен барон де Базанкур. 7 марта в Сен-Жерменском лесу произошла дуэль между 21-летним Альдериком де Сен-Пьером и 22-летним маркизом де Ровиго. Заметим, что позднее портрет маркиза де Ровиго окажется рядом с портретом Базанкура на стенах фехтовального зала Понса, а сам Ровиго станет вице-президентом Общества фехтовальщиков [82, р. 2], так что вполне объяснимо, что в 1839 г. одним из секундантов Ровиго выступил барон де Базанкур. Поединок развивался драматично. В самом начале схватки сломался клинок Сен-Пьера. Пришлось искать новое оружие. После возобновления боя оба участника получили более или менее серьезные ранения [107].

Суд Версаля разбирал дело 7 апреля 1840 г. Материалы дела и решение широко публиковались в прессе. 9 апреля «Journal des Débats» сообщал, что суд приговорил маркиза де Ровиго к восьми месяцам тюремного заключения и 500 франков штрафа, а Альдерика де Сен-Пьер к одному месяцу тюрьмы и 50 франков штрафа. Из четырех секундантов к наказанию приговорили лишь троих, причем для Базанкура приговор оказался наиболее суровым. Если секунданты де Сен-Пьера получали по 6 дней тюремного заключения и 50 франков штрафа, то барон должен был провести в заключении 6 месяцев и выплатить 400 франков штрафа [107]. Очевидно, что Базанкур и его подопечный были признаны более агрессивными участниками дуэли: Ровиго нес наказание за разжигание конфликта, а Базанкур за то, что способствовал продолжению схватки даже после того, как были нанесены первые раны и сломан клинок [108].

Уже на следующий день после публикации судебного решения – 10 апреля – барон де Базанкур поместил в «Journal des Débats» открытое письмо, в котором указывал, что его роль в дуэли была неверно расценена и, дабы защитить свое доброе имя, он подает апелляцию [64].

Апелляционное заседание действительно состоялось, и уже в 28 мая «Journal des Débats» напечатал отчет о его работе. Центральное место заняло весьма красноречивое и пафосное выступление Базанкура в свою защиту. Он доказывал, что всеми силами и не менее других способствовал умиротворению соперников. Например, такой фрагмент:

«О, Господи! Мой поступок можно если не простить, то хотя бы понять. Ко мне приходит друг и просит помочь ему в деле, касающемся его чести; дружба, давно связывающая меня с ним и его семьей, обязывает меня принять эту миссию, исполненную преданности и самоотвержения; нас было четверо, принявших эту же миссию; всех четверых объединяли одно дело, одно желание, одна надежда; и вдруг нас разделяет приговор: им присуждают шесть дней тюрьмы, и лишь мне одному – шесть месяцев. Суд осуждает их юридически, но оправдывает морально. Я один осужден и юридически, и морально» [74, р. 2].

В результате приговор смягчили: маркизу де Ровиго дали 1 месяц тюрьмы и 50 франков штрафа, а Базанкуру – 6 дней тюрьмы и 50 франков штрафа [74, р. 2].

Итак, дело получилось шумным, но без тяжелых последствий. Кроме того, оно, надо полагать, сослужило роль прекрасной рекламы для романа барона де Базанкура «Последнее воспоминание» (1839), где, кстати, присутствуют дуэльные эпизоды [34, с. 54–55]. К слову, анонсы и разборы романа появлялись в тех же газетах, что и отчеты о дуэльном скандале с участием Базанкура [83, р. 2; 88; 110].

Следующий скандал с дуэлью разразился через десятилетие и имел, так сказать, литературный характер.

4 июня 1850 г. [73, р. 1] произошла дуэль между известными литераторами Амедеем Ашаром и Пьером Фиорентино. Амедей Ашар известен как плодовитый литератор, из-под пера которого вышло немало романов, в том числе приключенческих. Он считается одним из основателей жанра «роман плаща и шпаги», пользовался признанием самого Александра Дюма. Ашар активно публиковался в прессе, придавая своим статьям острое сатирическое звучание. Что касается Пьера Фиорентино, то он начинал литературную карьеру в Италии, но в 1835 г. переехал в Париж, где занял заметное место в литературном и журналистском мире: тесно сотрудничал с Александром Дюма, создал перевод «Божественной комедии», регулярно выступал в прессе. Причем за свои статьи «он постоянно подвергался нападкам со стороны как органов печати, так и литературного общества (“Société des gens de lettres”») [60, с. 86–87].

Между А. Ашаром и П. Фиорентино завязалась журнальная перебранка, которая привела к личному конфликту [72, с. 2]. Роль арбитра попыталось сыграть Общество литераторов, однако это лишь усугубило проблему и расширило огласку конфликта. Доверенные лица Ашара, де Базанкур и Ш. Э. де Рэн (тоже литератор), попытались

получить от Фиорентино извинительные разъяснения, но после его ответов дуэль оказалась неизбежной [73, р. 2]. Секундантами Фиорентино были господа де Ровиго (уже хорошо нам известный) и Л. Гатайе. Поединок состоялся в Болонском лесу. Дрались холодным оружием. После скоротечной схватки Фиорентино удалось поразить Ашара в правое легкое [71, р. 104]. После этого, как гласят материалы судебного разбирательства, «г-н де Базанкур поспешил снять с него рубашку, и обильно хлынула кровь» [73, р. 2].

Ранение оказалось столь серьезным, что Ашар несколько суток находился в критическом состоянии, а потом долгое время был на излечении. Это вызывало в обществе большое сочувствие к нему. Его навещали многие известные литераторы, среди которых был и Бальзак [71, р. 104]. Словом, история долго оставалась на слуху. А вскоре состоялся суд присяжных, который оправдал всех участников, однако протокол суда был помещен в прессе, и по нему можно было представить всю историю в живых красках, что должно было вызвать интерес публики. В материалах, естественно, фигурировали показания Ф. Ж. де Базанкура.

Клинок и перо

Итак, владение клинком и дуэли сделали Базанкуру «репутацию, благодаря которой он неоднократно выступал арбитром в делах чести» [94, р. 67]. И, судя по всему, эта репутация была результатом не столько «литературной игры», сколько природных склонностей барона. В 1862 г. он выпустит книгу «Гайны клинка» [65], где сумеет объединить литературный и фехтовальный таланты.

Из всех произведений Базанкура это сочинение выглядит одним из наиболее оригинальных. Это не мемуары, не учебник по фехтованию, не приключенческий роман, хотя элементы всех этих жанров здесь присутствуют. Если говорить о структуре, то это цикл «вечеров», подчиненный образовательной целесообразности и художественной традиции.

Во вступлении, служащем обрамлением для цикла, рассказчик создает экспозицию: он гостит у друзей в старинном замке, где все располагает к неторопливым беседам:

«Осень уже засеяла леса и поля опавшими листьями и пожелтевшими растениями. Это прекрасная пора для поэтов, поскольку природа, приближаясь к зимнему сну, принимает вид меланхолии и покоя, располагая к мечтательности и окрыляя мысли» [65, р. 2].

Компания охотников, к которой принадлежит и рассказчик, проводит день в полях, а вечером возвращается в замок и в отдыхе проводит время, покуривая сигары и «болтая о тысяче разных вещей» [65, р. 3]. Разговор случайно склоняется к близкой для рассказчика теме фехтования, и, отвечая на вопросы мало сведущих в этом деле собеседников, он излагает философию владения клинком:

«Это борьба, требующая ловкости, сноровки, навыков, проциательности, энергии, рассудочности, и все умственные и физические способности задействованы в ней одновременно и приходят на помощь друг другу. <...> Клинок хранит бесконечные тайны; он меняется под

направляющей его рукой; он быстр, внимателен, податлив, умен, он подчиняется малейшему движению мысли. С одним – он крепок и грозен, с другим – легок и расчетлив; иногда он – колющее острие, иногда – парирующий щит» [65, р. 4].

Рассказчик соглашается со своими слушателями, что большинство учебников по фехтованию представляют собой трактаты и диссертации, переполненные терминами, аналитическими выкладками и описаниями бесконечного числа мелочей, и это заставляет впасть в уныние всякого энтузиаста-любителя. «Я бы, напротив, – рассуждает рассказчик, – стремился доказать, что без геркулесовских усилий можно вполне сносно овладеть клинком и находить в упражнениях с ним отдохновение, полное прелести и благородной состязательности» [65, р. 7]. «Фехтование, – продолжает рассказчик, – одно из самых полезных для здоровья занятий, которое развивает и укрепляет слабые организации и может спасти ваше существование от провокаций бретера или грубости мужлана» [65, р. 7]. Слушатели поддаются обаянию этих слов и просят рассказчика поведать о постигнутых им за многие годы секретах фехтования.

Далее следуют одиннадцать глав, или одиннадцать «вечеров», в течение которых рассказчик делится со слушателями своим опытом владения клинком. Получается своеобразное обучение в ходе приятельских бесед. И заметно, что Базанкуру пригодились литературные навыки, в частности, умение входить в роль рассказчика, неоднократно апробированное им прежде в светских повестях и романах-фельетонах. Чередуя форму монолога и диалога, ему удается очень непринужденно объединить самую разнородную информацию: о тактике боя, об основных позициях фехтовальщиков, о лучших приемах нападения и защиты, о различных стилях фехтования, об известных фехтовальщиках, о правилах проведения дуэли и т. д.

И неожиданный формат повествования, и специфика темы, и авторская репутация известного фехтовальщика – всё гарантировало книге успех. Наиболее развернутый отзыв был опубликован газетой «Le Sport» ее основателем и редактором Эженом Шапю, который считается основоположником спортивной журналистики во Франции:

«“Тайны клинка” – книга 2-на барона де Базанкура, где мы находим факты, анекдоты и уроки, изложенные с изящной легкостью одним из наиболее любимых талантов, которым в нашу эпоху удастся соединять владение клинком и пером. В силу своих привычек и традиций барон де Базанкур оказался именно тем человеком, который с наибольшим успехом мог исполнить труд, не имеющий ничего общего с классическим трактатом – всегда запутанным и не способным воспитать ученика. Г-н де Базанкур дает наставления, позволяющие обычному фехтовальщику избавиться от недочетов, исправить ошибки. Он раскрывает вопросы касательно дуэлей, и его суждения, имеющие практическое преломление, призваны облегчить тяжкую обязанность, которая ложится на плечи секундантов в делах чести, упростить выполнение их долга.

<...> “Тайны клинка” – истинная книга “плаща и шпаги”, как говорили прежде. И по содержанию, и особенно по форме она написана изящно, легко и дерзко. В этом всем проявляется аристократ. Это одна из тех книг, которые рождаются счастливыми и прямой дорогой идут к успеху» [70, р. 3].

Рецензент не ошибся. Книга пользовалась большой известностью. В 1876 г. она была переиздана с предисловием от издателя, который рекомендовал уже ушедшего из жизни автора как «лучшего фехтовальщика эпохи и эрудита в науке поединков» [66, р. II]. Правда, в 1882 г. фехтовальщик и фехтмейстер Наполеона III Арсен Вижан, составляя «Библиографию фехтования», отозвался о книге Базанкура с долей критицизма: он полагал, что подходы барона к фехтованию не вполне безопасны [114, р. 34]. Однако на популярности книги Базанкура это замечание не сказалось. В 1900 г. она была переиздана с иллюстрациями в Лондоне на английском языке [67]. В 1958 г. английский фехтовальщик и историк фехтования Джей Ди Эйлуорд опубликовал статью о Базанкуре, назвав его книгу «шедевром в своем жанре» [62, р. 5]. Сегодня «Тайны клинка» можно обнаружить почти в любой подборке литературы по истории и практике фехтования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зачастую рассуждения о формировании «литературной личности» категоричны: почти всякий авторский поступок объясняется «литературной игрой» и стремлением к мифотворчеству, уподобляется «литературной мистификации», служащей к привлечению читательского интереса. Между тем «литературная личность» – лишь отчасти осознанный автором конструкт, отчасти же – результат естественного, стихийного хода вещей. Порою сложно доказать, что тот или иной поступок писателя был осознанно ориентирован на формирование «литературной личности», а не явился следствием чисто жизненных обстоятельств, индивидуально-психологических особенностей или попросту случайности. При всей литературоцентричности первой половины XIX в. у литератора той поры оставалось «личное пространство», где он жил по своим правилам и желаниям и куда допускал читателя лишь дозированно – когда ощущал, что привычки повседневности не компрометируют «литературную личность». То есть в ряде случаев писательское поведение не программировалось литературной задачей, а лишь не противоречило ей.

Что касается барона де Базанкура, то, судя по всему, в основе его поведения литературные задачи не были первостепенными. Его «амплуа аристократа», подсказывалось и происхождением, и воспитанием, и кругом общения и было ориентировано, прежде всего, на условия светского быта, а востребованность этого амплуа в быту литературном оказывалось удачным стечением обстоятельств, позволяющим барону оставаться одним и тем же человеком и в светском салоне, и в фехтовальном зале, и в редакции популярной газеты. Разумеется, в его поступках можно обнаружить «игру на публику», но лишь в той степени, в какой такая «игра» характерна для всякого человека, не равнодушного к своей общественной репутации.

Сопряжение авторских природных склонностей с литературными задачами – процесс более сложный, нежели постоянный отказ от первого в пользу второго, а в «литературной личности» зачастую удается рассмотреть не только мифологемы, но и черты личности вполне реальной – с присущими ей достоинствами и слабостями, убеждениями и пристрастиями.

Так или иначе, но многое в образе «барона де Базанкура»: аристократические манеры, принадлежность к высшему общественному кругу, строгое подчинение кодексу чести, и наконец, владение оружием на уровне гораздо выше заурядного – всё это воспринималось как характеристики реальной личности. И думается, это имело не последнее значение при выборе кандидата, которому в 1854 г. доверяют миссию корреспондента и историографа в условиях боевых действий под Севастополем. Но... до той поры барону де Базанкуру еще предстояло проявить себя в роли историка.

Список литературы

1. Андроников И. Л. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. Лермонтов: Исследования и находки. – М.: Худож. лит., 1981. – 656 с.
2. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского: монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 184 с.
3. Баранская Е. М. «Пушкинский Крым» и «романтическое житнетворчество» Я. П. Полонского // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 3–17.
4. Батюшков К. Н. Сочинения: В 2-х т. Т. 1: Опыты в стихах и прозе. Произведения, не вошедшие в «Опыты...» / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
6. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография, 1814–1832. Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1945. – 348 с.
7. Вальвиль А. Рассуждение об искусстве владеть шпагою. – С-Пб.: Тип-я Карла Крайя, 1817. – 95 с.
8. Вацуро В. Э. Пушкинская пора: Сб. статей. – СПб: Академический проект, 2000. – 624 с.
9. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. – Тарту: Тартуский университет, 2010. – 570 с.
10. Гаврилова А. А. Литературная репутация В. Г. Бенедиктова // [Электронный журнал] Язык. Культура. Коммуникации. – 2015. – № 2. Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/146/357> (Дата обращения: 27.11.2023).
11. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб: Академический проект, 1999. – 400 с.
12. Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 6. – С. 235–255.
13. Голубков М. М. Русская литература XX века: После раскола: Учеб. пособ. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
14. Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы. В 2-х т. – М.: Худ. лит, 1964. – Т. 1. – 710 с.
15. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный феномен (Статьи по социологии литературы). – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.
16. Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 488 с.

17. *Козлов А. Е.* Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы. *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*. – Tartu: Tartu University Press, 2021. – 242 с.
18. *Костионова М. В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»). Автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.08. – М., 2015. – 26 с.
19. *Ларионова Е. О.* «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, 2001. – С. 5–25.
20. *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л.: Наука, 1975. – С. 25–74.
21. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
22. *Лукач Г.* Бальзак («Крестьяне») // Бальзак О. де. Крестьяне. – М.–Л.: Academia, 1935. – С. VII–XLIV.
23. *Магомедова Д. М.* Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А. П. Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 11–19.
24. *Макарова П. А.* Литературная обстановка во Франции в 1840–1850-х гг.: зарождение романа-фельетона и возникновение популярной беллетристики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 168–190.
25. *Мартен-Фюжье, А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848 / Пер. с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мильчиной; Вступ. ст. В. А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 480 с.
26. *Матвеев С. Р.* Идея «среднего класса» в мемуарах Франсуа Гизо // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 42. – С. 180–193.
27. *Мельников Н. Г.* «Творимая легенда» Владимира Набокова. О «литературной личности» писателя // Русская словесность. – 2003. – № 1. – С. 11–20.
28. *Мильчина В. А.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
29. *Мильчина В. А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 944 с.
30. *Мишенев С. В.* Учитель Пушкина. Французский фехтмейстер на русской службе // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. – 2007. – № 9. – С. 92–93.
31. *Набоков В. Д.* Дуэль и уголовный закон. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. – 52 с.
32. *Новоселов В. Р.* Дуэль во Франции XVI–XVII веков // Средние века. – 2001. – Вып. 62. – С. 146–165.
33. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
34. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть II. «Неистовые» черты романа-фельетона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 48–72.
35. *Орехова Л. А.* Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): Учеб. пособ. – Киев: УМК ВО, 1992. – 92 с.
36. *Орехова Л. А.* Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.01; 10.01.08. Симферополь, 1992. – 328 с.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

37. Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т.1. VXIII век и первая половина XIX века. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1950. – 604 с.
38. П. У...вь. <Лавров П. Л.> Сент-Бёв как человек // Отечественные записки. – 1881. – № 2. – С. 435–464.
39. Пахсарьян Н. Т. Французский романтизм и генезис массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 3 (102). – С. 125–140.
40. Первых Д. К. Нарративный «фольклор» как информационное оружие прошлого и настоящего // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 180–190.
41. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М.: ОГИ, 2000. – 366 с.
42. Проскурина В. Ю. Литературная позиция журнала «Современник» (1838–1846 годы): Дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.01. М., 1985. – 309 с.
43. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. Т. 16: Переписка. 1835–1837. – М.: Воскресенье, 1997. – 503 с.
44. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. – 533 с.
45. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. дит., 1958. – 568 с.
46. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 336 с.
47. Рейтблат А. И. Пушкин-гуманист // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 5. Режим доступа:
https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10631/. – (Дата обращения: 23.11.2023).
48. Рождественский Ю. В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
49. Розанов И. Н. Литературные репутации. – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.
50. Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки. – М.: Худож. лит., 1970. – 585 с.
51. Таньшина Н. П. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. – 2010. – № 2. – С. 184–204.
52. Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 333 с.
53. Таньшина Н. П. Франсуа Гизо: Политическая биография: Монография. – М.: МПГУ, 2015. – 364 с.
54. Тодд III Уильям Миллз. Литература и общество в эпоху Пушкина. – СПб.: Академический проект, 1996. – 306 с.
55. Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. – 1923. – № 4 (28). – С. 6–9.
56. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
57. Хандарова О. В. Литературная репутация как литературоведческая категория // Вестник Калужского университета. – 2018. – № 3 (38). – С. 106–108.
58. Шейко А. А. Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 178–189.
59. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. – М.: Советский писатель, 1987. – 544 с.
60. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVI. – СПб.: Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. – 495 с.
61. [Arbouville, S. d']. Marie-Madeleine. Une vie heureuse. Résignation. – Paris: Imprimerie Royale, 1843. – 256 p.

62. *Aylward J.-D.* Le baron de Bazancourt // L'Escrime française. – 1958. – № 126. – P. 5–6.
63. *Barante P. de.* [Préface] «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d'. Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Vol. 1. – P. I–XV.
64. *Bazancourt baron de.* A m. le Rédacteur en chef du Droit // Journal des Débats. – 1840. – 10 Avril. – P. 3.
65. *Bazancourt baron de.* Les secrets de l'épée. – Paris: Amyot, 1862. – 287 p.
66. *Bazancourt, baron de.* Les secrets de l'épée. – Paris: Amyot, 1876. – 288 p.
67. *Bazancourt, baron de.* Secrets of the Sword. – London: George Bell & Sons, 1900. – 247 p.
68. Bibliothèque de Barante // Hôtel des Ventes de Clermont-Ferrand. 2021. – 314 p. Available from https://docs.pro-indb.io/2021/02/23/121854_925392045_19a67acff3f6006fd396f9fef325db4.pdf (accessed 27 November 2021).
69. *Book C. M.* Théophile Gautier et l'Hôtel des Haricots // Revue d'histoire littéraire de la France. – 1965. – № 2. – P. 277–286.
70. *Chapus E.* La vie à Paris // Le Sport: journal des gens du monde. – 1862. – 12 Mars. – № 11. – P. 2–3.
71. *Claudin G.* Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – 346 p.
72. Cour d'Assises de la Seine. 31 août // Le Constitutionnel. – 1850. – 1 Septembre. – P. 2–3.
73. Cour d'Assises de la Seine // Le Corsaire. – 1850. – 1 Septembre. – P. 1–3.
74. Dépêche télégraphique // Journal des Débats. – 1840. – 28 Mai. – P. 2–3.
75. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1. – Paris: Firmin-Didot frères, 1864. – 800 p.
76. *Dumas A.* Les Trois Mousquetaires. – Paris: MM. Dufour et Mulat, 1849. – 520 p.
77. *Eyma L.-X.* Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer. – 1840. – 12 mars. – № 97. – P. 1–2.
78. Figaro. – 1838. – 30 Mai. – № 228. – P. 1–4.
79. *Guillet F.* L'honneur en partage. Le duel et les classes bourgeoises en France au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. – 2007. – Vol. 1. – № 34. – P. 55–70.
80. *Héros E.* Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. – 1920. – № 1516. – Vol. LXXXI. – P. 189–190.
81. *Heylli G. de.* Dictionnaire des pseudonyms. – Paris: E. Dentu, 1887. – 560 p.
82. *Ivoi P. de.* Courrier de Paris // Figaro. – 1860. – 19 Avril. – № 549. – P. 1–3.
83. *J. J.* Théâtre des Variétés // Journal des Débats. – 1840. – 17 Février. – P. 2–3.
84. *Janzé, Alix de.* Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris: E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
85. *Lagenevais F. de.* Le roman dans le monde // Revue des Deux Mondes. – 1843. – T. II. – Mai. – P. 586–614.
86. *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2. – Paris: Larousse, 1867. – 1463 p.
87. *Laurent É.* Histoire anecdotique du duel dans tous les temps et dans tous les pays. – Bruxelles: Meline, Cans et Cie, [18..]. – 342 p.
88. Le nouveau roman de M. de Bazancourt... // Le Courrier français. – 1839. – 16 Avril. – № 106. – P. 4.
89. *Loviot L.* Alice Ozy. – Paris: Les bibliophiles fantaisistes, 1910. – 123 p.
90. *Marsay L. de.* Correspondance Parisienne // Journal de Montpellier. – 1865. – 4 Février. – № 5. – P. 2–3.
91. *Marsay L. de.* Lettre Parisienne // Journal de la Corse. – 1865. – 7 Février. – № 6. – P. 2–3.
92. *Maurois A.* Prométhée ou la vie de Balzac. – Paris: Flammarion, 1974. – 698 p.
93. *Mullié Ch.* Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
94. *Neuter.* Courrier de Paris // Le Monde illustré. – 1865. – 4 Février. – № 408. – P. 66–67.
95. Ordonnances de Roi // Moniteur universel. – 1846. – 8 Avril. – № 98. – P. 1.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

96. *Quérard J.-M.* Les supercheries littéraires dévoilées. T. V. – Paris, 1853. – 410 p.
97. *Pessard G.* Nouveau dictionnaire historique de Paris. – Paris: Eugène Rey, 1904. – 1693 p.
98. *Rousseau J.* Propos du jour // Figaro. – 1865. – 2 Février. – № 1040. – P. 5–6.
99. *Saint-Albin A. de.* A travers les salles d'armes. – Paris: A la Librairie illustrée, (s. d.). – 243 p.
100. *Saint-Albin A. de.* Le baron de Bazancourt // Le Sport: journal des gens du monde. – 1874. – 30 Mai. – № 43. – P. 2.
101. *Saint-Albin A. de.* Les Salles d'armes de Paris. – Paris: Glady Frères éditeurs, 1875. – 274 p.
102. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Chroniques parisiennes (1843–1845). – Paris: Calmann Lévy, 1876. – 364 p.
103. *Sainte-Beuve Ch.-A.* De la littérature industrielle // La Revue des Deux Mondes. – 1839. – T. 19. – Septembre. – P. 675–691.
104. *Séché L.* Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
105. *Séché L.* Sainte-Beuve: études d'histoire romantique. Ses moeurs. – Paris: Société du Mercure de France, 1904. – 331 p.
106. *Tavernier A.* Amateurs et Salles d'armes de Paris. – Paris: C. Marpon et E. Flammarion, 1886. – 341 p.
107. Tribunal correctionnel de Versailles // Journal des Débats. – 1840. – 9 Avril. – P. 2.
108. Tribunaux // Le Courrier français. – 1840. – 28 Mai. – № 149. – P. 4.
109. *Un Bibliophile Comtois.* Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. – 1920. – № 1518. – Vol. LXXXI. – P. 311–312.
110. Un Dernier souvenir, par le baron de Bazancourt // Journal des Débats. – 1840. – 16 Février. – P. 4.
111. *Un vieil abonné.* Ces demoiselles de l'Opéra. – Paris: Tresse et Stock, 1887. – 294 p.
112. *Vapereau G.* Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1. – Paris, 1858. – 920 p.
113. *Vaux Ch.-M. de.* Les Hommes d'épée. – Paris: É. Rouveyre, 1882. – 280 p.
114. *Vigeant A.* La bibliographie de l'escrime ancienne et moderne. – Paris, 1882. – 172 p.
115. *Villemessant H. de.* Le baron de Bazancourt // Figaro. – 1865. – 29 Janvier. – P. 3–4.
116. *Villemessant H. de.* Mémoires d'un journaliste. Vol. I. – Paris: Dentu, 1884. – 326 p.
117. *Villemessant H. de., Jouvin B.* Théâtre des Variétés // Figaro. – 1855. – 25 Février. – № 48. – P. 2–4.

References

1. Andronikov I. L. *Sobr. soch.: V 3-h t. T. 3. Lermontov: Issledovanija i nahodki* [Collected Works. In 3 vols. T. 3. Lermontov: Research and Findings]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981. 656 p.
2. Baranskaja E. M. *Liricheskij geroj i literaturnaja lichnost' Ja. P. Polonskogo: monografija.* [Lyrical hero and literary personality of Ya. P. Polonsky: monograph]. Simferopol, IT “ARIAL” Publ., 2020. 184 p.
3. Baranskaja E. M. «*Pushkinskij Krym*» i «*romanticheskoe zhiznetvorchestvo*» Ja. P. Polonskogo [“Pushkin’s Crimea” and “romantic life-creativity” by Ya. P. Polonsky]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 3–17.
4. Batjushkov K. N. *Sochinenija: V 2-h t. T. 1: Opyty v stihah i proze. Proizvedenija, ne voshedshie v «Opyty...»* [Works: In 2 vols T. 1: Experiments in poetry and prose. Works not included in “Experiments...”]. Ed. by V. A. Koshelev. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989. – 511 p.
5. Berdjaev N. A. *Filosofija neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2012. 624 p.

6. Brodskij N. L. *M. Ju. Lermontov: Biografija, 1814–1832. T. 1* [M. Yu. Lermontov: Biography, 1814–1832. T. 1.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1945. 348 p.
7. Val'vil' A. *Rassuzhdenie ob iskusstve vladet' shpagoju* [Discourse on the art of wielding a sword]. St. Petersburg, Tipografija Karla Kraija Publ., 1817. 95 p.
8. Vacuro V. Je. *Pushkinskaja pora: Sb. statej* [Pushkin's era: Collection of articles]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2000. 624 p.
9. Vol'pert L. I. *Pushkinskaja Francija* [Pushkin's France]. Tartu, Tartuskij universitet Publ., 2010. 570 p.
10. Gavrilova A. A. *Literaturnaja reputacija V. G. Benediktova* [Literary reputation of V. G. Benediktov]. *Jelektronnyj zhurnal. Jazyk. Kul'tura. Kommunikacii*, 2015, no. 2. Available from: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/146/357> (accessed 27 November 2023).
11. Gasparov B. M. *Pojeticheskij jazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo jazyka* [Pushkin's poetic language as a fact of the history of the Russian literary language]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 1999. 400 p.
12. Gippius V. V. *Pushkin v bor'be s Bulgarinym v 1830–1831 gg.* [Pushkin in the fight against Bulgarin in 1830–1831]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, vol. 6, pp. 235–255.
13. Golubkov M. M. *Russkaja literatura XX veka: Posle raskola: Uceb. posob. dlja vuzov* [Russian literature of the 20th century: After the split: Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 267 p.
14. Gonkur Je. de, Gonkur Zh. de. *Dnevnik. Zapiski o literaturnoj zhizni. izbrannye stranicy. V 2-h t.* [Diary. Notes on literary life. favorite pages. In 2 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1964, vol. 1. 710 p.
15. Gudkov L., Dubin B. *Literatura kak social'nyj fenomen (Stat'i po sociologii literatury)* [Literature as a social phenomenon (Articles on the sociology of literature)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 352 p.
16. Derzhavin G. R. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1957. 488 p.
17. Kozlov A. E. *Literaturnaja reputacija pisatelja-belletrista: N. D. Ahsharumov v 1850–1880-e gody* [Literary reputation of a fiction writer: N. D. Akhsharumov in the 1850–1880s.]. *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*. Tartu: Tartu University Press, 2021. 242 p.
18. Kostionova M. V. *Literaturnaja reputacija pisatelja v Rossii: perevod kak otrazhenie i faktor formirovanija (russkie perevody romana Ch. Dikkensa «Zapiski Pikvikskogo kluba»)* [The literary reputation of a writer in Russia: translation as a reflection and a formation factor (Russian translations of Charles Dickens's novel "The Pickwick Papers"). Abstract of thesis]. Avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.01.08. Moscow, 2015. 26 p.
19. Larionova E. O. «*Uslyshish' sud glupca...*» (*Zhurnal'nye otnoshenija Pushkina v 1828–1830 gg.*) [“You will hear the judgment of a fool...” (Journal relations of Pushkin in 1828–1830)]. *Pushkin v przhiznennomj kritike. 1828–1830*. St. Petersburg, Gosudarstvennyj pushkinskij teatral'nyj centr Publ., 2001, pp. 5–25.
20. Lotman Ju. M. *Dekabrist v povsednevnoj zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psihologičeskaja kategorija)* [Decembrist in everyday life (Everyday behavior as a historical and psychological category)]. *Literaturnoe nasledie dekabristov*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 25–74.
21. Lotman Ju. M. *Izbrannye stat'i: V 3-h tt. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: In 3 vols. T. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 479 p.
22. Lukach G. *Bal'zak («Krest'jane»)* [Balzac (“The Peasants”)]. *Bal'zak O. de. Krest'jane*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, pp. VII–XLIV.

23. Magomedova D. M. *Modeli pisatel'skih biografij kak literaturnye universalii* [Models of writer's biographies as literary universals]. *Problemy pisatel'skoj biografii: K 150-letiju A. P. Chehova*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 11–19.
24. Makarova P. A. *Literaturnaja obstanovka vo Francii v 1840–1850-h gg.: zarozhdenie romana-fel'etona i voznikovenie populjarnoj belletristiki* [Literary situation in France in the 1840–1850s: the origin of the feuilleton novel and the emergence of popular fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, 2017, no. 3, pp. 168–190.
25. Marten-Fjuzh'e A. *Jelegantnaja zhizn', ili Kak voznik «ves' Parizh», 1815–1848* [Elegant life, or How “all Paris” came into being, 1815–1848]. Ed. by V. A. Mil'china. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh Publ., 1998. 480 p.
26. Matveev S. R. *Ideja «srednego klassa» v memuarah Fransua Gizo* [The idea of the “middle class” in the memoirs of Francois Guizot]. *Dialog so vremenem*, 2013, no. 42, pp. 180–193.
27. Mel'nikov N. G. *«Tvorimaja legenda» Vladimira Nabokova. O «literaturnoj lichnosti» pisatelja* [“The Legend in the Making” of Vladimir Nabokov. On the “literary personality” of the writer]. *Russkaja slovesnost'*, 2003, no. 1, pp. 11–20.
28. Mil'china V. A. *«Literaturnaja prijazn'» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «znamenitye druž'ja»* [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
29. Mil'china V. A. *Parizh v 1814–1848 godah: povsednevnaia zhizn'* [Paris in 1814–1848: everyday life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 944 p.
30. Mishenev S. V. *Uchitel' Pushkina. Francuzskij fehtmejster na russkoj sluzhbe* [Pushkin's teacher. French fencing master in Russian service]. *Kalashnikov. Oruzhie, boepripy, snarjazhenie*, 2007, no. 9, pp. 92–93.
31. Nabokov V. D. *Dujel' i ugovolnyj zakon* [Duel and criminal law]. St. Petersburg, Obshhestvennaja pol'za Publ., 1910. 52 p.
32. Novoselov V. R. *Dujel' vo Francii XVI–XVII vekov* [Duel in France of the 16th–17th centuries]. *Srednie veka*, 2001, no. 62, pp. 146–165.
33. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
34. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' II. «Neistovye» cherty romana-fel'etona* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part II. “Furious” features of the feuilleton novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 2, pp. 48–72.
35. Orehova L. A. *Avtorskoe mifotvorchestvo i russkij modernizm (liricheskaja proza): Ucheb. posob.* [Author's myth-making and Russian modernism (lyrical prose): Textbook]. Kyev, UMK VO Publ., 1992. 92 p.
36. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Dis. ... d-ra filol. n.: 10.01.01; 10.01.08.* [The image of the author and the poetics of the genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
37. *Ocherki po istorii russkoj zhurnalistiki i kritiki: V 2 t. T.1. VXIII vek i pervaja polovina XIX veka* [Essays on the history of Russian journalism and criticism: In 2 volumes. T.1. 18th century and first half of the 19th century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo Ordena Lenina universiteta Publ., 1950. 604 p.
38. P. U...v. <Lavrov P. L.> *Sent-Bjov kak chelovek* [Sainte-Beuve as a person]. *Otechestvennye zapiski*, 1881, no. 2, pp. 435–464.
39. Pahsar'jan N. T. *Francuzskij romantizm i genezis massovoj literatury* [French romanticism and the genesis of mass literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no. 3 (102), pp. 125–140.
40. Pervyh D. K. *Narrativnyj «fol'klor» kak informacionnoe oruzhie proshlogo i nastojashhego* [Narrative “folklore” as an information weapon of the past and present] // *Uchenye zapiski*

- Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 4, pp. 180–190.
41. Proskurin O. A. *Literaturnye skandaly pushkinskoj jepohi* [Literary scandals of the Pushkin era]. Moscow, OGI Publ., 2000. 366 p.
 42. Proskurina V. Ju. *Literaturnaja pozicija zhurnala «Sovremennik» (1838–1846 gody). Diss. kand. filol. n.* [Literary position of the magazine “Sovremennik” (1838–1846). Thesis]. Moscow, 1985. 309 p.
 43. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: [V 19 t.]. T. 16: Perepiska. 1835–1837* [Complete works: In 19 volumes. T. 16: Correspondence. 1835–1837]. Moscow, Voskresen'e, 1997. 503 p.
 44. Reizov B. G. *Francuzskaja romanticheskaja istoriografija (1815–1830)* [French romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1956. 533 p.
 45. Reizov B. G. *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1958. – 568 p.
 46. Rejtblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin became a genius]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 336 p.
 47. Rejtblat A. I. *Pushkin-gumanist* [Pushkin the humanist]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 5. Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10631/ (accessed 23 November 2023).
 48. Rozhdestvenskij Ju. V. *Obshhaja filologija* [General philology]. Moscow, Fond «Novoe tysjacheletie» Publ., 1996. 326 p.
 49. Rozanov I. N. *Literaturnye reputacii* [Literary reputations]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 464 p.
 50. Sent-Bjov Sh. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary portraits. Critical Essays]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1970. 585 p.
 51. Tan'shina N. P. *«Zametki o Rossii» francuzskogo diplomata barona de Baranta* [“Notes on Russia” by the French diplomat Baron de Barant]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2010, no. 2, pp. 184–204.
 52. Tan'shina N. P. *Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaja I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2018. 333 p.
 53. Tan'shina N. P. Fransua Gizo: Politicheskaja biografija: Monografija [Francois Guizot: Political biography: Monograph]. Moscow, MPGU Publ., 2015. 364 p.
 54. Todd III Uil'jam Millz. *Literatura i obshhestvo v jepohu Pushkina* [Literature and society in the era of Pushkin]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1996. 306 p.
 55. Tomashevskij B. V. *Literatura i biografija* [Literature and biography]. *Kniga i revoljucija*, 1923, no. 4 (28), pp. 6–9.
 56. Tynjanov Ju. N. *Pojetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p.
 57. Handarova O. V. *Literaturnaja reputacija kak literaturovedčeskaja kategorija* [Literary reputation as a literary category]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2018, no. 3 (38), pp. 106–108.
 58. Shejko A. A. *Zhanrovyje principy romana-fel'etona vo Francii i romana-seriala v Anglii* [Genre principles of the feuilleton novel in France and the serial novel in England]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9, Filologija*, 2017, no. 6, pp. 178–189.
 59. Jejhenbaum B. M. *O literature: Raboty raznyh let* [About literature: Works of different years]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1987. – 544 p.
 60. *Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona: T. XXXVI* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Vol. XXXVI]. St. Petersburg, Akcionernoe obshhestvo Brokgauz–Efron, 1902. 495 p.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

61. [Arbouville, S. d']. *Marie-Madeleine. Une vie heureuse. Résignation.* Paris, Imprimerie Royale, 1843. – 256 p.
62. Aylward J.-D. *Le baron de Bazancourt // L'Escrime française*, 1958, no. 126, pp. 5–6.
63. Barante P. de. [Préface] «*Les poésies et les récits...*» // Arbouville, S. d'. *Poésies et nouvelles.* [En 3 vols]. Paris, Amyot, 1855, vol. 1, pp. I–XV.
64. Bazancourt baron de. *A m. le Rédacteur en chef du Droit // Journal des Débats*, 1840, 10 Avril, p. 3.
65. Bazancourt baron de. *Les secrets de l'épée.* Paris, Amyot, 1862. 287 p.
66. Bazancourt, baron de. *Les secrets de l'épée.* Paris, Amyot, 1876. 288 p.
67. Bazancourt, baron de. *Secrets of the Sword.* London, George Bell & Sons, 1900. 247 p.
68. *Bibliothèque de Barante // Hôtel des Ventes de Clermont-Ferrand.* 2021. – 314 p. Available from https://docs.prod-indb.io/2021/02/23/121854_925392045_19a67acff3f6006fd396f9fef325db4.pdf (accessed 27 November 2021).
69. Book C. M. *Théophile Gautier et l'Hôtel des Haricots // Revue d'histoire littéraire de la France*, 1965, no. 2, pp. 277–286.
70. Chapus E. *La vie à Paris // Le Sport: journal des gens du monde*, 1862, 12 Mars, no. 11, pp. 2–3.
71. Claudin G. *Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870.* Paris, Calmann Lévy, 1884. 346 p.
72. *Cour d'Assises de la Seine. 31 août // Le Constitutionnel*, 1850, 1 Septembre, pp. 2–3.
73. *Cour d'Assises de la Seine // Le Corsaire*, 1850, 1 Septembre, pp. 1–3.
74. *Dépêche télégraphique // Journal des Débats*, 1840, 28 Mai, pp. 2–3.
75. *Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1.* Paris, Firmin-Didot frères, 1864. 800 p.
76. Dumas A. *Les Trois Mousquetaires.* Paris, MM. Dufour et Mulat, 1849. 520 p.
77. Eyma L.-X. *Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer*, 1840, 12 Mars, no. 97, pp. 1–2.
78. *Figaro.* 1838, Mai, no. 228, pp. 1–4.
79. Guillet F. *L'honneur en partage. Le duel et les classes bourgeoises en France au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle*, 2007, vol. 1, no. 34, pp. 55–70.
80. Héros E. *Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux*, 1920, no. 1516, vol. LXXXI, pp. 189–190.
81. Heylli G. de. *Dictionnaire des pseudonyms.* Paris, E. Dentu, 1887. 560 p.
82. Ivoi P. de. *Courrier de Paris // Figaro*, 1860, 19 Avril, no. 549, pp. 1–3.
83. J. J. *Théâtre des Variétés // Journal des Débats*, 1840, 17 Février, pp. 2–3.
84. Janzé, Alix de. *Etude et récits sur Alfred de Musset.* Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
85. Lagenevais F. de. *Le roman dans le monde // Revue des Deux Mondes*, 1843, vol. II, Mai, pp. 586–614.
86. Larousse P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2.* Paris, Larousse, 1867. 1463 p.
87. Laurent É. *Histoire anecdotique du duel dans tous les temps et dans tous les pays.* Bruxelles, Meline, Cans et Cie, [18..]. 342 p.
88. *Le nouveau roman de M. de Bazancourt... // Le Courrier français*, 1839, 16 Avril, no. 106, p. 4.
89. Loviot L. *Alice Ozy.* Paris, Les bibliophiles fantaisistes, 1910. 123 p.
90. Marsay L. de. *Correspondance Parisienne // Journal de Montpellier*, 1865, 4 Février, no. 5, pp. 2–3.
91. Marsay L. de. *Lettre Parisienne // Journal de la Corse*, 1865, 7 Février, no. 6, pp. 2–3.
92. Maurois A. *Prométhée ou la vie de Balzac.* Paris, Flammarion, 1974. 698 p.
93. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II.* Paris: Poignavant, 1851. 559 p.
94. Neuter. *Courrier de Paris // Le Monde illustré*, 1865, 4 Février, no. 408, pp. 66–67.
95. *Ordonnances de Roi // Moniteur universel*, 1846, 8 Avril, no. 98, p. 1.
96. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. V.* Paris, 1853. 410 p.

Opexos B. B.

97. Pessard G. *Nouveau dictionnaire historique de Paris*. Paris, Eugène Rey, 1904. – 1693 p.
98. Rousseau J. *Propos du jour* // Figaro, 1865, 2 Février, no. 1040, pp. 5–6.
99. Saint-Albin A. de. *A travers les salles d'armes*. Paris, A la Librairie illustrée, (s. d.). 243 p.
100. Saint-Albin A. de. *Le baron de Bazancourt* // Le Sport: journal des gens du monde, 1874, 30 Mai, no. 43, p. 2.
101. Saint-Albin A. de. *Les Salles d'armes de Paris*. Paris, Glady Frères éditeurs, 1875. 274 p.
102. Sainte-Beuve Ch.-A. *Chroniques parisiennes (1843–1845)*. Paris, Calmann Lévy, 1876. 364 p.
103. Sainte-Beuve Ch.-A. *De la littérature industrielle* // La Revue des Deux Mondes, 1839, vol. 19, Septembre, pp. 675–691.
104. Séché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
105. Séché L. *Sainte-Beuve: études d'histoire romantique. Ses moeurs*. Paris, Société du Mercur de France, 1904. 331 p.
106. Tavernier A. *Amateurs et Salles d'armes de Paris*. Paris, C. Marpon et E. Flammarion, 1886. 341 p.
107. *Tribunal correctionnel de Versailles* // Journal des Débats, 1840, 9 Avril, p. 2.
108. *Tribunaux* // Le Courrier français, 1840, 28 Mai, no. 149, p. 4.
109. Un Bibliophile Comtois. *Alice Ozy et le baron de Bazancourt* // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux, 1920, no. 1518, vol. LXXXI, pp. 311–312.
110. *Un Dernier souvenir, par le baron de Bazancourt* // Journal des Débats, 1840, 16 Février, p. 4.
111. Un vieil abonné. *Ces demoiselles de l'Opéra*. Paris, Tresse et Stock, 1887. 294 p.
112. Vapereau G. *Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. I*. Paris, 1858. 920 p.
113. Vaux Ch.-M. de. *Les Hommes d'épée*. Paris, É. Rouveyre, 1882. 280 p.
114. Vigeant A. *La bibliographie de l'escrime ancienne et moderne*. Paris, 1882. 172 p.
115. Villemessant H. de. *Le baron de Bazancourt* // Figaro, 1865, 29 Janvier, pp. 3–4.
116. Villemessant H. de. *Mémoires d'un journaliste. Vol. I*. Paris, Dentu, 1884. 326 p.
117. Villemessant H. de., Jouvin B. *Théâtre des Variétés* // Figaro, 1855, 25 Février, no. 48, pp. 2–4.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART III.
SOCIETY PORTRAIT AND LITERARY PERSONALITY**

Orekhov V. V.

The article examines the features of the literary personality of Baron de Bazancourt. The era of romanticism turned “literary life” into an important component of the literary process. The idea of the author's life, his actions, and beliefs significantly influenced the horizon of reader expectations. Therefore, the author often subordinated his behavior to a certain literary canon, choosing a behavioral “role” legitimized by the preferences of the era. In this article, based on fragmentary data, it is possible to restore the main features that, in the eyes of contemporary readers, were inherent in the image of Baron de Bazancourt. The question of how much the behavior of F. J. de Bazancourt was subordinated to literary tasks is considered.

Key words: literary personality, literary reputation, duel, feuilleton novel, literary aristocracy, industrial literature.